

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Барановичский государственный университет»
Кафедра государственного управления и уголовно-правовых дисциплин
Факультет экономики и права
Совет молодых учёных учреждения образования «Барановичский
государственный университет»
Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Сборник материалов
II Международной
научно-практической конференции

(Барановичи, 12—13 мая 2016 года)

Под научной редакцией
кандидата юридических наук, доцента М. В. Андрияшко

Барановичи
БарГУ
2016

Рассматривается генезис и пути совершенствования уголовной политики Республики Беларусь; проведён анализ конституционных основ уголовной политики, а также таких направлений, как административно-правовые и социально-гуманитарные аспекты уголовной политики; определены актуальные тенденции уголовно-исполнительной политики; освещены современные проблемы эффективной борьбы с преступностью в аспекте уголовно-процессуального законодательства; исследованы основы обеспечения безопасности человека, общества и государства в юридическом и экономическом аспектах.

Изложены результаты собственных исследований авторов, а также внесены предложения, направленные на совершенствование законодательства Республики Беларусь в области уголовной политики.

Адресуется специалистам органов государственного управления, обучающимся (студентам, магистрантам, аспирантам), преподавателям учреждений высшего образования, а также всем заинтересованным лицам.

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» Т. С. Таранова,
доктор исторических наук, профессор, учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» В. А. Ананич

по мнению А. Стука, во-первых, не должно быть значительным и, во-вторых, должно распространяться на чётко ограниченную категорию лиц. Правоприменительная практика показывает, что исправление осуждённых посредством возложения на них правоограничений возможно только в отношении лиц, не связанных с субкультурой мест лишения свободы. Поэтому ограничение свободы без направления в ИУОТ, по мнению А. Стука, должно применяться только к лицам, впервые осуждаемым к ограничению свободы за умышленные преступления либо осуждаемым за совершение преступлений по неосторожности [5, с. 8].

Заключение. В результате проведённого исследования можно сделать вывод о том, что ограничение свободы без направления в ИУОТ занимает значительный удельный вес. В целях эффективного применения данного вида наказания его необходимо назначать только тем лицам, которые ранее не отбывали наказание в виде лишения свободы.

Список цитируемых источников

1. Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения: [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 23 дек. 2010 г., № 672. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
3. Там же.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 307-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
5. Стук А. Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения: промежуточные итоги // Законность и правопорядок. 2014. № 4 (32). С. 6—10.

УДК 343.3/7

Р. Н. Ключко,

*кандидат юридических наук, доцент
Учреждение образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы», Гродно*

БЕЗДЕЙСТВИЕ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА: ПРИЗНАКИ И ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ

Введение. Проблемы уголовно-правовой оценки бездействия должностного лица предопределяются наличием большого количества оценочных признаков состава преступления, характеризующих различные его элементы. Их правильное толкование, а также совершенствование конструкции состава преступления позволят обеспечить верную правовую оценку пассивного поведения должностного лица.

Основная часть. Согласно статье 425 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) объектом бездействия должностного лица являются интересы службы, причём, в отличие от российского, белорусский уголовный закон обеспечивает равную охрану установленного законодательством порядка деятельности должностных лиц различных предприятий, учреждений, организаций, независимо от формы собственности и формы организации юридического лица [1]. В качестве дополнительного объекта называются «любые отношения, которые обеспечивают реализацию прав, свобод и интересов граждан или юридических лиц» [2]. Указанной позиции придерживаются и российские учёные, выделяющие дополнительный объект преступлений против интересов службы и признающие таковым здоровье, конституционные и иные права граждан, отношения собственности, законные интересы других организаций, государства и общества в целом [3].

С объективной стороны бездействие должностного лица характеризуется неисполнением должностным лицом вопреки интересам службы действий, которые оно должно было и могло совершить в силу возложенных на него служебных обязанностей, сопряжённым с попустительством преступлению либо повлёкшим невыполнение показателей, достижение которых являлось условием оказания государственной поддержки, либо причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам. Законодательная конструкция объективной стороны бездействия должностного лица позволяет считать состав формально-материальным. При этом законодатель закрепляет как конкретно определённые признаки объективной стороны анализируемого состава преступления, так и оценочные. К конкретно определённым относится негативный признак «неисполнение действий, которые должностное лицо должно

было совершить», а также такие позитивные признаки, характеризующие условия для привлечения субъекта к уголовной ответственности, как «попустительство преступлению» и «причинение ущерба в крупном размере».

Для наличия в содеянном признаков объективной стороны состава бездействия должностного лица необходимо установить, что невыполненные им действия входили в круг его служебных обязанностей, с которыми он был ознакомлен в установленном порядке. Как верно отмечает В. В. Марчук, «объём и содержание служебных обязанностей должностных лиц определяется за пределами норм Уголовного кодекса» [4]. Однако одного лишь факта невыполнения возложенной на субъекта в установленном порядке обязанности недостаточно для наличия признаков преступного деяния. У должностного лица должна иметься реальная возможность исполнить такую обязанность, при этом он должен быть осведомлён о наличии у него соответствующей обязанности. Более того, неисполнение действий, которые должностное лицо должно было и могло совершить в силу возложенных на него служебных обязанностей, противоречило интересам службы.

Такой признак объективной стороны бездействия должностного лица, как «вопреки интересам службы», является оценочным. Совершёнными вопреки интересам службы следует считать те действия (равно как и бездействие, предусмотренное статьёй 425 УК) должностного лица по службе, которыми нарушаются требования законности и объективной необходимости при принятии решения в соответствии с возложенными на должностное лицо полномочиями [5]. При решении вопроса о наличии либо отсутствии объективной необходимости совершения тех или иных действий по службе в каждом конкретном случае предполагается установление наличия либо отсутствия в содеянном признаков обостренного риска, исключающего преступность деяния, учитывая, что любой вид хозяйственной деятельности может быть сопряжён с определённой долей риска. Не может быть признано преступным бездействие должностного лица, если оно имело место во исполнение обязательного для него приказа или распоряжения, отданного в установленном порядке.

К оценочным признакам объективной стороны состава преступления следует также отнести и «существенный вред правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам», а также «тяжкие последствия», закреплённые в качестве квалифицирующего признака бездействия должностного лица в части третьей статьи 425 УК. Как отмечает В. Н. Кудрявцев, «для того чтобы установить, например, является ли причинённый злоупотреблением властью ущерб существенным, необходимо в первую очередь решить, что мы вообще в современных условиях понимаем под “существенным ущербом”». Решение этого вопроса законодатель относит к компетенции юристов, применяющих закон» [6, с. 116—117]. При решении вопроса о том, является ли вред, причинённый правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам существенным (часть первая статьи 424, часть первая статьи 425, часть первая статьи 426, часть первая статьи 428 УК), судам нужно учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, число потерпевших граждан, тяжесть причинённого физического или морального вреда и т. п. Существенный вред может выражаться в нарушении конституционных прав и свобод граждан, в подрыве авторитета органов власти, государственных, общественных и других организаций, в нарушении общественного порядка [7]. Именно причинение существенного вреда является обязательным элементом объективной стороны злоупотребления властью или служебными полномочиями. Отсутствие существенного вреда даёт основание квалифицировать деяния должностного лица как дисциплинарный проступок, а не как преступление [8]. Изложенное положение применимо и в отношении трактовки признаков бездействия должностного лица. В. Борков считает существенное нарушение законных интересов личности, общества и государства не следствием, а содержанием противоречащего интересам службы властного, организационно-распорядительного или административно-хозяйственного решения, указывая, что злоупотребление полномочиями и нарушение прав и интересов — это разные стороны одного явления [9]. Учитывая, что дополнительным непосредственным объектом бездействия должностного лица являются отношения, которые обеспечивают реализацию прав, свобод и интересов граждан или юридических лиц, нельзя трактовать как причинение существенного вреда государственным или общественным интересам сам факт неисполнения вопреки интересам службы служебных обязанностей, умаляющий авторитет органа власти, управления либо организации. Таким образом, нельзя отождествлять признаки деяния с признаками общественно опасных последствий, обусловленных совершением самого деяния. Деяние не может ни во временных рамках, ни по иным параметрам совпадать с последствием этого деяния.

Законодатель нередко связывает уголовную ответственность за бездействие с наступлением общественно опасных последствий, используя законодательную конструкцию «повлёкшее причинение...». Указанное даёт основание утверждать необходимость установления не только предусмотренных уголовным законом последствий, но и для их вменения осознания наличия либо предвидения развития причинной связи между ними и проявленным бездействием. В ином случае можно вести речь лишь о чисто объективном вменении лицу предусмотренных в уголовном законе общественно опасных последствий. Однако не для всех материальных по конструкции составов преступлений в полном объёме определяющим содержание вины является психическое отношение виновного именно к последствиям.

От механического применения законодательной конструкции умысла для раскрытия содержания вины в любых преступлениях с материальным составом предостерегает А. И. Рарог, указывая, что «во многих случаях юридическим признаком, концентрирующим общественную опасность деяния, являются не указанные в диспозиции уголовно-правовой нормы последствия, а сами запрещённые уголовным законом действия. Последствиям же законодатель придаёт значение признака, отграничивающего преступление от иных правонарушений, либо квалифицирующего признака, выполняющего функцию дифференциации наказания» [10, с. 676]. Логическим завершением его рассуждений является вывод о целесообразности модернизации законодательной конструкции прямого умысла для использования при анализе вины в преступлениях с материальным составом: «в случаях, когда предусмотренное законом последствие играет роль признака, отграничивающего преступление от иных правонарушений, либо дифференцирующего ответственность, умысел должен признаваться прямым, если он был направлен на совершение заведомо незаконных действий (бездействия), характеризующих юридическую сущность преступления и выражающих его общественную опасность, т. е. если виновный желал совершить эти действия. Иными словами, безусловным показателем прямого умысла следует признать осознание лицом противоправного характера совершаемого деяния» [11]. Нужно заметить, что предложения о включении в общую формулу вины осознания уголовной противоправности не раз высказывались учёными [12].

Особенностью уголовно-правового воздействия за бездействие должностного лица является наличие особых условий его уголовной противоправности: наступление предусмотренных в уголовном законе общественно опасных последствий, за исключением бездействия, сопряжённого с попустительством преступлению. В связи с этим определяющим при характеристике негативного психического отношения лица к установленному в обществе порядку поведения в случаях проявления пассивности является отношение к неисполнению возложенной на него обязанности. Совершение должностным лицом заведомо незаконного бездействия при наличии возможности исполнить возложенную на него служебную обязанность даже при сознательном допущении предусмотренных уголовным законом последствий либо безразличном к ним отношении следует признавать как учинённое с прямым умыслом.

Корыстная заинтересованность при злоупотреблении властью или служебными полномочиями, бездействии должностного лица, превышении власти или служебных полномочий «может выражаться в стремлении получить выгоду имущественного характера без незаконного безвозмездного обращения государственных или общественных средств в свою собственность или собственность других лиц (например, сокрытие образовавшейся в результате служебной халатности недостачи путём запутывания учёта с целью избежать материальной ответственности). Иная личная заинтересованность может выражаться в стремлении, обусловленном такими побуждениями личного характера, как карьеризм, протекционизм, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, скрыть свою некомпетентность и т. п.» [13]. Такая «размытая» трактовка в постановлении Пленума признака «личная заинтересованность» обусловлена его оценочностью, однако указанный признак всё же требует более ясной трактовки. Личный интерес как признак субъективной стороны бездействия должностного лица следует рассматривать как пользу, выгоду только для должностного лица, не совпадающую с публичными интересами службы.

Заключение. Законодательная трактовка бездействия должностного лица с использованием большого числа оценочных признаков может порождать существенные проблемы в правоприменении. Для правильной юридической оценки пассивности должностного лица требуется не только чёткое изложение в уголовном законе и однозначная трактовка признаков преступного бездействия должностного лица, но и чёткая регламентация порядка служебной деятельности должностных лиц. Учитывая особую бланкетность диспозиции части первой статьи 425 УК, можно утверждать, что уголовно-правовая оценка бездействия должностного лица во многом зависит от чёткости закрепления правового статуса соответствующего должностного лица. В свою очередь чёткая, точная регламентация должностных обязанностей позволит правильно решать многие вопросы, связанные с установлением наличия либо отсутствия признаков анализируемого состава преступления в содеянном должностным лицом.

Список цитируемых источников

1. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одоб. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 307-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
2. Коррупционная преступность : криминол. характеристика и науч.-практ. коммент. к законодательству о борьбе с коррупцией / В. В. Асанова [и др.] ; под общ. ред. В. М. Хомича. Минск : Тесей, 2008. С. 272 ; Марчук В. В. Квалификация бездействия должностного лица // Вопр. криминологии, криминалистики и судеб. экспертизы. 2008. № 2/24. С. 13.
3. Волженкин Б. В. Служебные преступления : коммент. законодательства и судеб. практики. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005. С. 53, 56 ; Аснис А. Я. Уголовная ответственность за служебные преступления в России. Проблемы законодательного закрепления и правоприменения. М. : ЮрИнфоР-Пресс, 2005. С. 47, 105, 171, 203 ; Здравомыслов Б. В. Должностные преступления. Понятие и квалификация. М. : Юрид. лит., 1975. С. 12—13.

4. Марчук В. В. Квалификация бездействия должностного лица. С. 14.
5. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. ст. 424—428 УК) : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 16 дек. 2004 г. № 12 // Суд. весн. 2005. № 1. С. 39—43.
6. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2006. 304 с.
7. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. ст. 424—428 УК).
8. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы // Суд. весн. 2005. № 1. С. 39—43.
9. Борков В. Существенность нарушения правоохраняемых интересов при квалификации должностного злоупотребления // Уголов. право. 2009. № 6. С. 10 ; Его же. Недостатки конструкции состава должностного злоупотребления как причина проблем правоприменения // Уголов. право. 2007. № 4. С. 11.
10. Рапог А. И. Глава V. Субъективная сторона преступления // Энцикл. уголов. права. Т. 4. Состав преступления. СПб., 2005. С. 629—787.
11. Там же. С. 680—681.
12. Лунеев В. В. Субъективное вменение // Уголов. право: новые идеи. М., 1994. С. 35 ; Саркисова Э. А. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие. Минск : Тесей, 2005. С. 189 ; Герцензон А. А. Уголовное право: часть общая. М., 1948. 291 с.
13. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. ст. 424—428 УК).

УДК 343.01

М. И. Кольцов,

кандидат юридических наук, доцент

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина», Тамбов, Российская Федерация*

СИСТЕМА УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ: ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Введение. Возникновение и развитие системы наказаний всегда определяется общественным и государственным строем. Происходящие в обществе и государстве социально-политические изменения и тенденции непосредственно влияют на систему наказаний: изменяется количество, а также иерархия их видов; одни наказания утрачивают своё значение и исключаются из уголовного законодательства, другие, обусловленные потребностями общественно-политической жизни, появляются. В уголовном праве Российской Империи система наказаний получила нормативное закрепление в таких законодательных актах, как Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., Уголовное уложение 1903 г. Принцип преемственности имел место при принятии каждого последующего акта, который выбирал из предыдущего лучшее для своего времени. Советская Россия также не явилась исключением и передала демократической России сформированную систему наказаний, которая послужила базой для подготовки системы мер уголовно-правового воздействия Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

Основная часть. Действующие уголовные наказания, различные по своему содержанию, помещены в УК РФ в определённом порядке (от менее строгого к более строгому) и выполняют важнейшую роль в механизме назначения наказания. Цели наказания, обозначенные в уголовном законе, и свойства личности как взрослых, так и несовершеннолетних преступников обуславливают необходимость строгой индивидуализации наказаний, которая, в свою очередь, предполагает, что вначале суд обязан рассмотреть возможность назначения менее строгого наказания. Если по мнению суда цели наказания не могут быть достигнуты этим наказанием, то применяется более строгое. Для реализации эффективной правоприменительной практики органов правосудия необходима такая система мер уголовно-правового воздействия, которая позволяла бы суду избрать наказание, учитывающее все индивидуальные особенности личности преступника и обстоятельства каждого конкретного преступления.

Согласно действующему уголовному законодательству (статья 44 УК РФ) к лицам, совершившим преступления, могут применяться следующие наказания: штраф; лишение права заниматься определённой деятельностью или занимать определённую должность; лишение специального, воинского или почётного звания, классного чина и государственных наград; обязательные работы; исправительные работы; ограничение по военной службе; принудительные работы; ограничение свободы; арест; содержание в дисциплинарной воинской части; лишение свободы на определённый срок; пожизненное лишение свободы; смертная казнь [1].

Следует добавить, что современная уголовная политика направлена на применение в первую очередь наказаний, не связанных с лишением свободы, и за несколько лет достигнуты заметные результаты. Так, например, на 1 января 2010 г. в местах лишения свободы содержалось 819 200 осуждённых, на 1 января 2011 г. — 755 648, в 2012 г. — 693 700, в 2013 г. — 677 200, а в 2014 г. — 671 700. Правда, по состоянию на 1 марта 2015 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 673 818 человек (на 2 169 человек больше, чем в начале года). Удельный вес приговорённых